

ИНОГДА
САМЫЕ
ОБЫЧНЫЕ ДНИ
СКРЫВАЮТ
БОЛЬШУЮ
ПРАВДУ...

ЦЕНА СВОБОДЫ

СЕЗОН 2

Толстиков

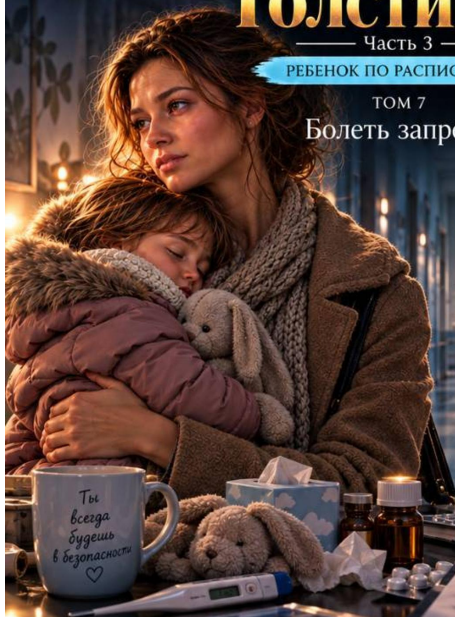
Часть 3

РЕБЕНОК ПО РАСПИСАНИЮ

ТОМ 7

Болесть запрещено

БЕЗОПАСНОСТЬ —
ЭТО ЗАБОТА.
ИЛИ
КОНТРОЛЬ?

ПЕДИАТР →
АНАЛИЗЫ →
РЕНТГЕН →
КАБИНЕТ №5 →

МЕДИЦИНСКОЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НЕ ГОДЕН
К ПОЕЗДКЕ

ГРАФИК ВСТРЕЧ

НАДЕЖДА ПОРОШИНА

СЕМЕЙНАЯ
ДРАМА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

ЖИЗНЕННЫЕ
ИСПЫТАНИЯ

ДОМ
КАК ВЫБОР

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА. ОНА ОТКРЫВАЕТ ДОМ.

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН
2. Толстиков. Часть 3.
ребенок по расписанию.
Том 7. Болеть запрещено

*<https://litres.ru/74565132>
SelfPub; 2026*

Аннотация

После подписания мирового соглашения болезнь маленькой Юли превращается в новое поле борьбы. Пока Лина измеряет температуру, вызывает врача и старается уберечь дочь от поездок, Алексей требует передачи по графику, проверяет диагноз в поликлинике и фиксирует закрытую дверь автомобильной камерой. Пять минут записи оказываются убедительнее целого дня боли, лечения и ожидания.

Теперь Лине приходится доказывать очевидное: ребёнок имеет право болеть, а забота матери — не препятствование общению с отцом. Но каждый документ Алексей обрезает до удобной версии, каждую пропущенную встречу превращает в «долг», а право на отцовство — в право контролировать. Впереди семейный отпуск, который он уже готов объявить исчезновением ребёнка.

«Болезнь запрещено» — седьмой том семейно-психологической саги «Цена свободы», остросюжетный роман с элементами мистики. Основано на реальных событиях.

Содержание

Пролог. Расписание не болеет	5
Глава 1. День отца	29
Глава 2. Покажите градусник	61
Глава 3. Отец в поликлинике	88
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН
2. Толстиков. Часть 3.
ребенок по расписанию.
Том 7. Болеть запрещено

Пролог. Расписание не болеет

Во сне поликлиника не имела выхода.

Лина шла по длинному коридору, держа Юлю за руку.

Стены были белыми.

Лампы горели слишком ярко.

Двери располагались с обеих сторон, но вместо номеров

на них стояли дни недели.

СРЕДА.

СУББОТА.

СРЕДА.

СУББОТА.

Одинаковые двери.

Одинаковые металлические ручки.

Одинаковые красные лампочки над каждой.

Юля двигалась медленно.

На ней была пижама с маленькими облаками. Волосы прилипли ко лбу. Щёки горели от температуры.

— Мам, домой, — попросила она.

— Сейчас найдём врача.

— Не врача.

Девочка остановилась.

Прижала ладонь к правому уху.

— Домой.

Лина наклонилась.

— Больно?

Юля кивнула.

Лина подняла её на руки.

Тело дочери было горячим.

Коридор тянулся дальше.

Ни регистратуры.

Ни кабинета врача.

Ни людей.

Только двери с днями недели.

За первой кто-то постучал.

Три раза.

Лина вздрогнула.

— Кто там?

Никто не ответил.

Она подошла ближе.

На двери было написано:

СРЕДА. 18:00.

Красная лампочка загорелась.

Замок повернулся сам.

Из кабинета вышел человек без лица.

На нём не было белого халата.

Только тёмная одежда и удостоверение на груди.

В руке он держал металлический ключ.

На его бородке была вырезана подпись Лины.

Та самая.

Неровная.

С последней буквой, уходящей вниз.

— Куда вы её несёте? — спросил человек.

— К врачу.

— Сегодня встреча с отцом.

— Она заболела.

Человек посмотрел на часы.

— Восемнадцать ноль-ноль.

— У неё температура.

— Расписание не болеет.

— Но ребёнок болеет.

— Предъявите подтверждение.

Перед Линой появилась медицинская справка.

Она не помнила, как оказалась в её руке.

На листе стояли печать, подпись врача и диагноз.

Но буквы исчезали одна за другой.

Сначала название болезни.

Потом назначения.

Затем слова «**домашний режим**».

На странице осталась только дата.

Человек без лица взял справку.

Посмотрел на свет.

— Здесь не написано, что ребёнка нельзя передавать отцу.

— Врачи не пишут таких запретов.

— Значит, запрета нет.

— Ей нужен покой.

— Это ваше мнение.

— Она плакала всю ночь.

— Это невозможно проверить.

— Держится за ухо.

— Она может держаться за него потому, что вы попроси-

ли.

Лина прижала Юлю крепче.

— Я ничего не просила.

Человек протянул руку.

— Время передачи наступило.

— Я её не отдам.

Красная лампочка над дверью замигала.

В конце коридора раздался металлический звук.

Потом ещё один.

И ещё.

Одна за другой открывались двери.

Из них выходили люди.

У одного в руках была папка.

У другого — видеокамера.

У третьего — медицинская карта.

У четвёртого — исполнительный лист.

У пятого — телефон с включённой записью.

Лиц не было ни у кого.

Только документы.

— Почему вы все здесь? — спросила Лина.

Человек с камерой ответил:

— Зафиксировать непередачу.

— Она больна.

— Камера не видит болезнь.

— Тогда снимите её лицо.

— Камера направлена на дверь.

— Почему?

— Чтобы установить, открыли вы её или нет.

Человек с медицинской картой перелистнул страницы.

— Диагноз подтверждён.

Лина почувствовала облегчение.

— Вот. Видите?

— Вижу.

— Значит, она останется дома.

— Я этого не говорил.

— Но у неё отит.

— Медицинский диагноз и порядок общения — разные вопросы.

— Ребёнок один.

— Документы разные.

Он закрыл карту.

Человек с исполнительным листом сделал шаг вперёд.

— Вы отказываетесь исполнять?

— Я лечу дочь.

— Ответьте на вопрос.

— Она не может ехать.

— Ребёнок передан?

— Нет.

Он записал.

НЕ ПЕРЕДАН.

Красными буквами.

— А болезнь? — спросила Лина.

— Добавьте в объяснении.

— Почему сначала записано нарушение?

— Потому что оно произошло первым.

— Нет. Сначала она заболела.

Человек посмотрел на неё пустым лицом.

— Для вас.

Юля застонала.

Лина прижала губы к её лбу.

Температура становилась выше.

— Где врач?

Никто не ответил.

— Вы же видите, ей плохо.

Человек с телефоном направил камеру на Лину.

— Повторите, что отказываетесь передавать ребёнка.

— Я не отказываюсь от общения.

— Передаёте?

— Не сегодня.

— Значит, отказываетесь.

— Из-за болезни.

— Причину установят позже.

— Кто?

Он указал в конец коридора.

Там появилась ещё одна дверь.

На ней не было дня недели.

Только надпись:

ОБЪЯСНЕНИЕ.

— Вам предоставят три дня.

— На что?

— Доказать, что в момент нарушения у вас была уважительная причина.

— Но вы уже держали справку.

— Справка подтверждает обращение к врачу.

— И диагноз.

— Да.

— И домашний режим.

— Возможно.

— Чего ещё не хватает?

— Доказательства, что болезнь действительно препятствовала передаче.

Лина посмотрела на Юлю.

Девочка плакала без звука.

Слёзы стекали по щекам, но никто вокруг не замечал.

— Её самой недостаточно?

— Ребёнок не является документом.

В коридоре появилась девочка.

Та самая.

Босая.

В светлом платье.

В руках она держала большой настенный календарь.

Некоторые клетки были закрашены синим.

Другие — красным.

В одной лежал маленький градусник.

В другой — билет на поезд.

В третьей — фотография пустого подъезда.

В четвёртой — постановление с круглой печатью.

— Ты опять пришла, — сказала Лина.

— Я не уходила.

— Где была?

Девочка посмотрела на Юлю.

— Там, где ещё не наступило время.

- Помоги мне найти врача.
- Врач уже приходил.
- Тогда почему они не видят, что она болеет?
- Они видят.
- Но требуют передать.
- Потому что смотрят не на неё.
- А на что?

Девочка подняла календарь.

- На клетку.

На сегодняшней дате стояла синяя отметка.

ВСТРЕЧА.

Под ней красным было написано:

НЕ ИСПОЛНЕНО.

- Убери это, — попросила Лина.
- Не могу.
- Почему?
- Это уже записал другой человек.
- Тогда добавь болезнь.

Девочка провела пальцем по клетке.

Появилось маленькое слово:

ОТИТ.

Оно поместилось в самом углу.

Почти незаметное рядом с красной надписью.

- Почему так мелко?
- Потому что болезнь объясняет нарушение.
- Она не объясняет нарушение. Она объясняет, почему

нарушения не было.

— Это тебе придётся доказать.

Лина посмотрела на людей без лиц.

— Им?

— Сначала одному.

— Кому?

— Тому, кто прочитает заявление первым.

— А потом?

— Другому, который проверит первого.

— А потом?

— Третьему, которому скажут, что ты уже нарушала.

— Сколько их будет?

Девочка перевернула календарь.

На обороте лежали десятки листов.

На каждом стоял новый номер.

— Столько, сколько он напишет заявлений.

В конце коридора загорелись автомобильные фары.

Лина прикрыла глаза.

Из темноты медленно выехала машина Алексея.

Она двигалась прямо по больничному коридору.

Остановилась возле двери с надписью:

СУББОТА. 10:00.

Камера над лобовым стеклом повернулась к Лине.

На ней загорелась красная точка.

Алексей вышел.

Закрыл дверь машины.

Посмотрел на часы.

Потом в объектив.

— Десять часов ноль-ноль минут, — произнёс он. — Прибыл для встречи с дочерью.

— Она болеет, — сказала Лина.

Он не посмотрел на Юлю.

Продолжал говорить камере:

— Мать ребёнка отказывается исполнять установленный порядок.

— Я отправила тебе справку.

— На записи справки нет.

— Она в телефоне.

— Камера фиксирует происходящее сейчас.

— Тогда поверни её к ребёнку.

— Не надо указывать, что мне снимать.

— Покажи, что у неё температура.

— Это невозможно увидеть.

— Тогда зачем тебе камера?

Алексей наконец повернулся к ней.

— Чтобы никто потом не сказал, что я не приехал.

— Но ты приехал не за ней.

— А за кем?

— За доказательством.

Он улыбнулся.

Не широко.

Почти устало.

— Это одно и то же.

Подошёл к двери.

Дёрнул ручку.

Она была заперта.

— Открой.

— Нет.

— По соглашению должна.

— Не сегодня.

— Сегодня мой день.

— Это её болезнь.

— Болезнь закончится.

— Тогда встретитесь после выздоровления.

— А мой день кто вернёт?

— Он тебе не принадлежит.

Лицо Алексея изменилось.

Красная точка камеры стала ярче.

— Повтори.

— Что?

— Что мой день мне не принадлежит.

Лина посмотрела в объектив.

Внутри него отражалась не она.

Закрытая дверь.

Только дверь.

Без Юли на руках.

Без градусника.

Без справки.

Без бессонной ночи.

— Камера видит не всё, — сказала Лина.

— Зато помнит точно.

— Что именно?

— То, что ей показывают.

Он снова повернулся к объективу.

— Мать ребёнка дверь не открыла.

Красная точка мигнула.

Событие было сохранено.

Девочка подошла к машине.

Положила ладонь на капот.

— Она всегда говорит правду? — спросила Лина.

— Кто?

— Камера.

— Да.

— Тогда почему эта запись будет ложью?

— Запись не будет ложью.

— Но он скажет, что приехал за больным ребёнком, а я не отдала.

— Он действительно приехал.

— Зная, что она болеет.

— Этого камера не видит.

— Он действительно уедет один.

— Да.

— Потому что я защищаю дочь.

— Этого она тоже не видит.

— Значит, камера врёт.

Девочка покачала головой.

— Она не выбирает, где начинается история.

— А кто выбирает?

Красная точка повернулась к Алексею.

— Тот, кто включает запись.

Коридор исчез.

Лина оказалась возле собственного подъезда.

Был вечер.

У двери стоял Алексей.

Рядом работала камера его автомобиля.

Время на экране показывало:

17:00.

— Ты приехал рано, — сказала Лина.

— Я приехал.

— Передача в восемнадцать.

— Вас нет дома.

— Потому что сейчас пять.

— Камера уже зафиксировала отсутствие.

Он постоял несколько минут.

Посмотрел на окна.

Позвонил.

Потом вернулся к машине.

— Ты уезжаешь?

— Вас нет.

— До встречи ещё час.

— Я не обязан ждать неизвестно сколько.

— Известно. До восемнадцати.

Он сел за руль.

Машина исчезла.

На асфальте осталась временная отметка.

17:00.

Девочка наклонилась и подняла её, как металлическую пластину.

— Сохрани, — сказала она.

— Зачем?

— Однажды его камера покажет больше, чем он хотел.

— Что?

— Время.

— И это поможет?

— Если кто-нибудь посмотрит запись полностью.

Девочка отдала пластину Лине.

Она оказалась тяжёлой.

Холодной.

Похожей на ключ.

Только не открывала дверь.

Фиксировала момент, когда Алексей возле неё не дождался назначенного часа.

Вокруг снова появилась поликлиника.

Теперь все двери были открыты.

За каждой находилась одна и та же комната.

Стол.

Стул.

Человек с документами.

В первой комнате Лина давала объяснение приставу.

Во второй — сотруднику полиции.

В третьей — органу опеки.

В четвёртой — судье.

В пятой — заведующей поликлиникой.

Каждый задавал один и тот же вопрос:

— Почему ребёнок не был передан?

Лина отвечала:

— Потому что болел.

Но ответ каждый раз становился короче.

В первой комнате она рассказывала о температуре.

Во второй — показывала справку.

В третьей — называла диагноз.

В четвёртой — только дату.

В пятой открыла рот, но голоса уже не было.

Девочка стояла в коридоре.

- Почему они спрашивают одно и то же?
- Потому что каждый рассматривает своё обращение.
- Разве нельзя ответить один раз?
- Можно.
- Тогда почему приходится повторять?
- Потому что твой ответ не переходит между дверями.
- А его заявление?
- Переходит.
- Почему?

Девочка указала на красную линию.

Она проходила через все комнаты.

Начиналась у камеры Алексея.

Пересекала заявление.

Исполнительный лист.

Акт.

Постановление.

И уходила дальше.

— Потому что он подаёт его первым, — сказала девочка.

— Значит, тот, кто говорит первым, становится правым?

— Нет.

— А кем?

— Тем, чью версию начинают проверять.

Лина посмотрела на свою справку.

Она снова стала прозрачной.

— Что мне делать?

— Не доказывать всю жизнь одной бумагой.

— А как?

— Собирать их по порядку.

Перед ней появилась папка.

Пустая.

На обложке не было названия.

— Что положить первой?

Девочка протянула медицинское заключение.

— Болезнь.

Потом билет.

— Отпуск.

Фотографию машины с временной отметкой.

— Время.

Видео закрытой двери.

— Его версию.

Полную переписку.

— То, что осталось за камерой.

Лина сложила документы.

Папка стала тяжелее.

— Она защитит нас?

— Не сама.

— Тогда зачем?

— Чтобы чужая версия не осталась единственной.

— А если они всё равно поверят ему?

Девочка закрыла папку.

— Тогда откроешь следующую дверь.

— И снова буду объяснять?

— Да.

— Сколько раз?

Девочка посмотрела на Юлю.

Та спала на руках Лины.

Температура снизилась.

— Столько, сколько понадобится, чтобы болезнь снова стали называть болезнью.

Красная печать опустилась сверху.

Ударила по календарю.

Лина вздрогнула.

На странице появилось слово:

ИСПОЛНЕНИЕ.

Оно закрыло имя Юли.

Закрыло диагноз.

Закрыло слова «домашний режим».

Осталась только дата встречи.

Лина попыталась стереть печать.

Чернила размазывались.

Становились похожими на кровь.

— Нет, — сказала девочка. — Так не убрать.

— А как?

— Напиши сверху её имя.

Лина взяла ручку.

Написала:

ЮЛЯ.

Буквы исчезли.

Написала ещё раз.

РЕБЁНОК.

Слово осталось.

Красная печать проступала сквозь него.

Но уже не закрывала полностью.

— Этого мало, — сказала Лина.

— Пока да.

— А потом?

— Потом они привыкнут видеть сначала нарушение.

— И что мне делать?

— Каждый раз возвращать ребёнка на первое место.

— Они устанут.

— Возможно.

— Я тоже.

Девочка посмотрела прямо на неё.

— Поэтому он и выбрал расписание.

Лина проснулась от плача Юли.

В комнате было темно.

Дочь лежала рядом и держалась за ухо.

— Мамочка, больно.

Лина включила лампу.

Коснулась лба.

Горячий.

На тумбочке лежали градусник, лекарство и телефон.

На экране горело сообщение Алексея:

Завтра мой день. Надеюсь, снова ничего не придумаешь.

Лина измерила температуру.

Тридцать восемь и два.

Юля всхлипнула.

— Папа заберёт?

— Нет.

— Домой?

— Ты дома.

— Папа не заберёт?

Лина прижала её к себе.

— Пока болеешь — нет.

Она сказала это уверенно.

Так, как должна говорить мать ребёнку.

Но телефон снова завибрировал.

Новое сообщение:

Подтверди передачу на десять утра.

Лина посмотрела на время.

Четыре семнадцать.

Алексей не спал.

Или поставил сообщение на отправку.

Неважно.

Расписание уже наступало.

Не дожидаясь утра.

Она открыла календарь.

Завтрашняя суббота была отмечена синим.

Встреча с отцом.

Рядом лежал градусник.

Красная линия поднималась выше.

Лина сфотографировала показания.

Потом остановилась.

Вспомнила сон.

Фотография не докажет, кому принадлежит температура.

Видео не покажет боль.

Справка не напишет, что запрещено видеть отца.

Камера Алексея запишет только закрытую дверь.

Но сейчас главным был не будущий пристав.

Не акт.

Не штраф.

Не чужая версия.

Юля.

Лина дала дочери лекарство.

Налила воду.

Позвонила в неотложную службу.

Только после этого ответила:

У Юли температура 38,2 и боль в ухе. Утром её осмотрит врач. Передача до установления состояния ребёнка не состоится.

Алексей прочитал сразу.

Три точки появились почти мгновенно.

По графику ты обязана передать ребёнка.

Лина смотрела на сообщение.

На мировое соглашение, лежавшее в папке.

На градусник.

На дочь.

Всё находилось в одной комнате.

Но существовало в разных реальностях.

В одной — больной ребёнок нуждался в лечении.

В другой — мать не исполняла установленный порядок.

Утром эти реальности впервые встретятся у двери.

И каждая сторона принесёт своё доказательство.

Лина — медицинскую справку.

Алексей — работающую камеру.

Расписание не болело.

Но Юля — болела.

Глава 1. День отца

К семи утра температура снизилась до тридцати семи и пяти.

Юля уснула только под утро.

Она лежала поперёк кровати, прижав ладонь к правому уху. На щеке остался след от подушки. Волосы были влажными у висков.

Лина сидела рядом.

На тумбочке стояли:

градусник;

жаропонижающее;

бутылка воды;

телефон;

мировое соглашение.

Пять предметов.

Каждый отвечал на свой вопрос.

Градусник — какая температура.

Лекарство — что делать.

Вода — что нужно ребёнку.

Телефон — чего требует Алексей.

Соглашение — почему его требование нельзя просто выключить.

В шесть сорок он прислал новое сообщение:

Температура уже снизилась?

Лина не ответила.

В шесть пятьдесят две:

Если ниже 38, встреча может состояться.

В шесть пятьдесят восемь:

Я сам дам лекарства.

Она открыла переписку.

Написала:

Юля почти не спала, жалуется на боль в ухе. Вызвала врача. До осмотра передача исключена.

Алексей прочитал.

Во сколько врач?

Точного времени нет. Вызов принят.

Пришли подтверждение вызова.

Лина посмотрела на экран.

Раньше она отправила бы сразу.

Нашла номер обращения.

Сделала снимок.

Добавила время звонка.

Потом вспомнила фотографию градусника во сне.

Каждое доказательство открывало следующий вопрос.

Вызов зарегистрирован. После осмотра сообщу диагноз и рекомендации.

Ответ появился почти сразу:

Подтверждение где?

Лина положила телефон экраном вниз.

Юля пошевелилась.

— Мама?

— Я здесь.

— Ушко.

— Знаю.

— Папа не приедет?

Лина погладила её по голове.

— Я попросила не приезжать.

— Он послушает?

Вопрос прозвучал слишком взрослым для двухлетнего ребёнка.

— Тебе сейчас нужно отдыхать.

— Мама рядом?

— Рядом.

Юля закрыла глаза.

Пальцы нащупали край её рукава.

Лина не двигалась.

Павел проснулся в половине восьмого.

Зашёл в комнату тихо.

На нём была футболка, вывернутая наизнанку.

— Как она?

— Температура снизилась.

— Значит, лучше?

— Пока лекарство действует.

Он подошёл к кровати.

Юля спала.

— Сегодня Алексей должен приехать?

— Да.

— Ты написала, что встреча отменяется?

— Написала.

— А он?

Лина показала сообщения.

Павел прочитал.

— Почему он сам решает, при какой температуре можно ехать?

— Потому что считает, что может справиться с лечением.

— Он врач?

— Нет.

— Тогда откуда тридцать восемь?

— Не знаю.

— Может, спросил у кого-то?

— Возможно.

Павел вернул телефон.

— В прошлый раз у неё тоже потом ухо заболело.

— Помню.

— А он?

— Тоже.

— Тогда почему хочет забрать?

Лина посмотрела на дочь.

— Потому что сегодня по соглашению его день.

Павел нахмурился.

— День Юли.

— Что?

— Это её день. Она в нём живёт.

— Да.

— А он говорит «мой».

— Да.

— И суд тоже так написал?

— Суд утвердил время общения.

— Не день?

— Не день.

— Тогда почему все называют его днём?

Лина не знала.

Так было проще.

День отца.

День матери.

Слова делили время.

Потом незаметно начинали делить ребёнка.

— Потому что взрослые любят сокращать длинные формулировки, — сказала она.

— И смысл тоже сокращают?

— Иногда.

Павел посмотрел на соглашение.

— Убери его от Юли.

— Почему?

— Оно рядом с лекарствами лежит.

— И что?

— Как будто тоже лечит.

Лина взяла документ.

Положила в ящик.

Стало легче.

Не намного.

Врач пришёл около девяти.

Пожилая женщина в синем халате поверх уличной одежды.

Сняла обувь в прихожей.

Вымыла руки.

Попросила включить свет.

Юля проснулась недовольной.

Прижалась к Лине.

— Покажем ушко, — сказала врач.

— Не хочу.

— Быстро.

Она осмотрела горло.

Послушала дыхание.

Проверила лимфатические узлы.

Потом достала отоскоп.

Когда прибор коснулся правого уха, Юля заплакала.

— Больно?

Девочка кивнула.

Врач посмотрела ещё раз.

— Начинающийся отит. На фоне насморка.

Лина почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Насколько серьёзно?

— Пока без осложнений. Лечение начнём сегодня. Домашний режим. Если температура поднимется выше тридцати восьми с половиной или появятся выделения из уха — вызывайте неотложку.

Она записывала назначения.

— Гулять можно?

— Сегодня не нужно. Завтра по состоянию.

— Ехать куда-то?

— Без необходимости лучше не надо.

— А если другой родитель хочет забрать её на несколько часов?

Врач перестала писать.

Посмотрела на Лину.

— Я семейные споры не решаю.

— Я спрашиваю про состояние ребёнка.

— В таком состоянии ей нужен покой. Лечение, сон, наблюдение.

— Можете указать домашний режим?

— Укажу.

— И что поездки не рекомендованы?

— Напишу щадящий режим.

— Почему не прямо?

— Потому что медицинских противопоказаний к нахож-

дению в автомобиле как таковом у неё нет. Но я не вижу смысла возить больного ребёнка.

Врач снова наклонилась к бланку.

— Вы судитесь?

— Уже было мировое соглашение.

— Понятно.

Одно слово.

Но в нём слышалась усталость человека, который не впервые видел, как медицинская справка должна была отвечать на вопрос, поставленный не медициной.

Телефон Лины завибрировал.

Алексей.

Она выключила звук.

Врач закончила назначения.

— Контроль через три дня. Если хуже — раньше.

— Спасибо.

— Лекарство раньше принимали?

— Да.

— Аллергии?

— Нет.

— Тогда начинайте сегодня.

Она передала заключение.

В нём стояло:

Острый средний отит справа.

Ниже:

Домашний щадящий режим.

Ещё ниже — лечение.

Лина сфотографировала документ.

Отправила Алексею.

Диагноз — острый отит. Назначен домашний щадящий режим и лечение. Встреча сегодня не состоится, предложу перенос после контрольного осмотра.

Он позвонил сразу.

Лина включила запись.

— Да.

— Дай врача.

— Она уже ушла.

— Удобно.

— Что именно?

— Я только попросил — она сразу ушла.

— Ты позвонил после того, как я отправила заключение.

— Почему не предупредила, что врач пришёл?

— Я была занята Юлей.

— По соглашению ты обязана сообщать медицинскую информацию.

— Я сообщила диагноз и назначения через несколько минут после осмотра.

— Я хотел присутствовать.

— На домашнем вызове?

— Хотя бы по телефону.

— В соглашении нет обязанности включать тебя в каждый разговор с врачом.

— Там есть равные права родителей.

— Равные права не означают, что я должна держать телефон перед врачом.

— Пришли все назначения.

— Они на фотографии.

— Нижняя часть обрезана.

Лина открыла снимок.

Последняя строка действительно не поместилась.

Там была только дата повторного осмотра.

— Сейчас отправлю полностью.

— И номер врача.

— Зачем?

— Хочу уточнить.

— Позвони в поликлинику.

— Ты должна дать данные.

— Фамилия стоит в заключении.

— Плохо видно.

— Отправлю качественнее.

— Хорошо. Тогда к десяти буду.

Лина не сразу поняла.

— Зачем?

— У нас встреча.

— Я только что написала, что её не будет.

— Ты написала своё решение.

— Это рекомендация врача.

— Врач написал щадящий режим, а не запрет общения с

ОТЦОМ.

- Юля останется дома.
- Я могу обеспечить ей лечение.
- Она почти не спала и держится за ухо.
- У меня тоже может спать.
- Ты никогда не укладывал её больной.
- Когда-то всё бывает впервые.
- Не сегодня.
- Не тебе одной решать.
- Сегодня решает её состояние.
- Которое я имею право увидеть.
- По видеосвязи.
- Лично.
- Нет.

На другом конце стало тихо.

- Ты нарушаешь соглашение в первый же месяц.
- В соглашении есть перенос по болезни.
- При объективных данных, препятствующих обычному режиму.
- Отит, температура, бессонная ночь и домашний режим
- объективные данные.
- Температура уже снизилась.
- После лекарства.
- Значит, лечение действует.
- Это не означает выздоровление.
- Я приеду в десять.

— Не приезжай.
— Зафиксирую отказ.
— Фиксируй.
Алексей отключился.

Лина посмотрела на часы.
Девять двадцать три.
До встречи оставалось тридцать семь минут.
Павел стоял в дверях.

— Он всё равно приедет?
— Да.
— Откроешь?
— Нет.
— А если будет звонить?
— Не открою.
— А если вызовет полицию?
— Покажу заключение.
— Они заставят отдать Юлю?
— Не должны.
— «Не должны» — это не «не заставят».

Лина положила телефон на стол.
— Паша, мне нужно, чтобы ты не подходил к окнам.
— Почему?
— Не хочу, чтобы он тебя снимал.
— Его камера видит только подъезд.

— Откуда ты знаешь?

— В прошлый раз машина стояла вон там.

Павел показал на место возле фонаря.

— Если он поставит её так же, камера увидит дверь и часть окон первого этажа. Наши выше.

Лина посмотрела на сына.

— Ты следил за камерой?

— Она за нами следила.

Он произнёс это без упрёка.

Как факт.

— Сегодня не подходи.

— Хорошо.

— И дверь не открывай.

— Я знаю.

— Даже если скажет, что просто передаст лекарства.

— Знаю.

— Даже если позовёт меня.

— Мам.

— Что?

— Я всё знаю.

Лина остановилась.

Павел слишком часто говорил это.

Потому что слишком многое ему уже приходилось знать.

— Прости.

— Ничего.

Он вернулся к Юле.

Сел рядом на пол.

Начал тихо складывать кубики.

Не дом.

Просто башню.

В девять пятьдесят две во двор въехала машина Алексея.

Лина увидела её с кухни.

Он не припарковался на свободном месте у соседнего подъезда.

Остановился напротив их двери.

Так, чтобы передняя часть автомобиля была направлена к входу.

На внешней камере возле лобового стекла загорелась маленькая красная точка.

Алексей не выходил почти минуту.

Вероятно, проверял запись.

Потом открыл дверь.

В руке держал телефон.

Павел подошёл к кухне.

— Он приехал.

— Отойди.

Мальчик шагнул назад.

Алексей встал рядом с машиной.

Посмотрел на часы.

Повернулся к камере.

Лина не слышала слов.

Но видела, как он говорит.

Медленно.

Чётко.

Наверное, называл дату.

Время.

Цель приезда.

Потом подошёл к подъезду.

Позвонил в домофон.

Лина не ответила.

Телефон завибрировал.

Я приехал. Спускайся.

Она написала:

Передача отменена в связи с подтверждённым заболеванием. Заключение направлено.

Он позвонил снова.

Лина включила запись.

— Я стою у подъезда.

— Я вижу.

— Спускайся одна.

— Зачем?

— Покажешь документы.

— Я отправила их.

— Хочу оригинал.

— Он тебе не нужен.

— Значит, справки нет.

- Ты получил фотографию.
- На фотографии можно что угодно сделать.
- Ты считаешь, что я подделала медицинское заключение за десять минут?
- Я ничего не считаю. Хочу убедиться.
- Обратись в поликлинику.
- Сегодня суббота.
- Вызов зарегистрирован.
- Тогда вынеси справку.
- Нет.
- Почему?
- Потому что ты приехал не за справкой.
- Я приехал за дочерью.
- Больной.
- Это ты так решила.
- Это установил врач.
- Врач не запретил мне её видеть.
- Ей нужен покой.
- Я спокойно заберу.
- Она не поедет.
- Дай хотя бы посмотреть.
- По видеосвязи.
- Нет. Вынеси её на пять минут.
- У неё болит ухо. Я не понесу её на улицу.
- Тогда пусти меня.
- Нет.

— Боишься, что я увижу здорового ребёнка?

Лина закрыла глаза.

— Она спит после лекарства.

— Разбуди.

— Нет.

— Значит, фиксирую отказ.

— Фиксируй и приложи заключение врача.

— Я сам решу, что прикладывать.

Он отключился.

Через несколько секунд во дворе началась запись на телефон.

Лина видела его на экране камеры домофона.

Алексей стоял так, чтобы в кадр попадали подъезд и машина.

— Десять часов ноль-ноль минут, — произнёс он. — Прибыл по адресу проживания несовершеннолетней дочери для осуществления общения в соответствии с утверждённым судом мировым соглашением. Мать ребёнка дверь не открывает. Дочь не передаёт. Предоставить оригиналы медицинских документов отказывается.

Лина слушала через домофон.

Он не сказал:

что получил фотографию заключения;

что диагноз подтверждён;

что врач назначил домашний режим;

что Лина предложила перенос;

что Юля не спала ночью.

Не солгал.

Просто выбрал факты.

Алексей поднял телефон выше.

Снял номер подъезда.

Закрытую дверь.

Окна.

Потом вернулся к машине.

Наружная камера продолжала работать.

Она записала, как он приехал за ребёнком.

Как вышел.

Как подошёл к двери.

Как вернулся один.

История получилась законченной.

Если не знать, что происходило до первого кадра.

— Он уезжает? — спросил Павел.

— Пока нет.

Алексей сел в машину, но двигатель не запустил.

Телефон Лины снова зазвонил.

Она ответила.

— Что ещё?

— Я подожду пятнадцать минут.

— Зачем?

— Дам тебе возможность исполнить соглашение добро-

ВОЛЬНО.

— Я уже ответила.

— Подумай.

— О чём?

— О последствиях.

— Ты угрожаешь?

— Предупреждаю.

— Каких последствий?

— Обращение к приставу. Фиксация нарушения. Компенсация встречи.

— Ты всё это планировал до приезда?

— Я планировал забрать дочь.

— Тогда почему камера уже была направлена на подъезд?

— Она всегда записывает.

— Нет. Ты поставил машину специально напротив двери.

— Чтобы видеть, когда вы выйдете.

— Мы не выйдем.

— Осталось четырнадцать минут.

— Алексей, ребёнок болеет.

— Ты это уже говорила.

— Потому что это не изменилось.

— Время идёт.

— Для Юли тоже.

— При чём здесь это?

Лина посмотрела в комнату.

Юля спала.

Павел поправлял ей одеяло.

— При том, что для неё эти пятнадцать минут не являются возможностью выполнить соглашение. Это пятнадцать минут болезни.

— Опять красивые слова.

— Это не слова.

— Тогда покажи ребёнка.

— Нет.

— Хорошо.

Он сбросил вызов.

Алексей уехал в десять семнадцать.

Наружная камера погасла вместе с красной точкой.

Лина записала время.

9:52 — автомобиль въехал во двор.

10:00 — Алексей зафиксировал прибытие.

10:17 — уехал.

Приложила скриншоты переписки.

Заключение врача.

Запись разговора.

Фотографию градусника.

Потом остановилась.

Вспомнила вопрос из сна:

Кому принадлежит температура?

Она сняла короткое видео.

На нём Юля лежала в кровати.

Лина измеряла температуру.

На экране градусника появились цифры.

Девочка повернулась и сказала:

— Ушко болит.

Лина сохранила запись.

Не отправила Алексею.

Положила в папку.

Название:

БОЛЕЗНЬ_ДЕНЬ_ВСТРЕЧИ.

— Зачем ты сняла? — спросил Павел.

— На случай, если скажет, что она не болела.

— Он скажет.

— Знаю.

— А можно снять, как он говорит, что не верит?

— Разговор записан.

— Тогда у нас есть всё?

Лина посмотрела на телефон.

Всё.

Диагноз.

Справка.

Температура.

Видео.

Переписка.

Запись звонка.

Время приезда.

Время отъезда.

И всё равно не было уверенности.

— Для сегодняшнего дня — да.

— А завтра?

— Посмотрим.

Павел поморщился.

— Не люблю это слово.

— Я тоже.

Через час Алексей прислал видео.

Короткий ролик.

Машина въезжает во двор.

На экране стоит время.

Он выходит.

Идёт к подъезду.

Через несколько минут возвращается один.

Запись с внешней камеры была без звука.

Под ней сообщение:

Вот подтверждение, что я приехал, а ребёнка не получил.

Лина посмотрела видео ещё раз.

Камера показывала всё точно.

Машину.

Алексея.

Дверь.

Время.

Его пустые руки на обратном пути.

Она не показывала только одну вещь.

Причину.

Лина ответила:

Подтверждение болезни и сообщение о переносе встречи направлены до твоего приезда. Приложи их вместе с видео.

Алексей написал:

Я приложу то, что относится к нарушению.

Болезнь относится к причине переноса.

Нет доказательств, что она препятствовала общению.

Есть диагноз, температура и домашний режим.

Это не запрет отцу видеть дочь.

Лина не стала продолжать.

Сохранила переписку.

Видео поместила в ту же папку.

Файл назвала:

КАМЕРА_ПРИЕЗД_БЕЗ_КОНТЕКСТА.

Потом переименовала.

Слова «без контекста» были её оценкой.

Оставила только факты:

КАМЕРА_ПРИЕЗД_9-52_ОТЪЕЗД_10-17.

Так надёжнее.

К вечеру температура снова поднялась.
Юля плакала во время закапывания лекарства.
Просила не трогать ухо.
Лина держала её на руках.
Павел сидел рядом и считал капли.

— Одна.

— Две.

— Три.

Потом подавал салфетку.
Телефон лежал в другой комнате.
На беззвучном режиме.
Когда Юля уснула, Лина проверила сообщения.
Двенадцать пропущенных вызовов.
Семь сообщений.

Как состояние?

Почему не отвечаешь?

Я имею право получать информацию.

Пришли видео.

Ты специально отключила телефон.

Если состояние тяжёлое, вызывай скорую.

Последнее:

Если скорую не вызвала, значит, состояние не мешало встрече.

Лина перечитала.

Для Алексея существовали только две болезни.

Первая — настолько тяжёлая, что нужна скорая.

Вторая — недостаточная для отмены его времени.

Между ними не было отита.

Боли.

Плача.

Домашнего режима.

Ночи без сна.

— Что он пишет? — спросил Павел.

— Что если мы не вызвали скорую, значит, Юля могла поехать.

— А если бы вызвали?

— Сказал бы, что я преувеличиваю.

— Тогда нельзя сделать правильно.

Лина посмотрела на сына.

— Для него — возможно.

— А для Юли?

— Мы уже сделали правильно. Оставили её дома и вызвали врача.

Павел кивнул.

— Тогда почему ты грустная?

— Потому что правильный поступок тоже приходится доказывать.

На следующий день Юле стало немного легче.

Температура держалась ниже тридцати восьми.

Она попросила кашу.

Потом заснула на диване.

Лина отправила Алексею короткое сообщение:

Состояние стабильнее. Лечение продолжается.

Контрольный осмотр назначен через два дня. После заключения врача предложу дату переноса встречи.

Он ответил:

Сегодня можешь компенсировать хотя бы два часа.

Нет. Она продолжает лечение.

Вчера ты лишила меня четырёх часов. Сегодня предлагаю два.

Время общения не является долгом ребёнка.

По соглашению пропущенные встречи компенсируются.

После выздоровления.

Это ты решила.

Это соответствует состоянию Юли.

Ответа долго не было.

Потом пришло:

Хорошо. Будем решать официально.

Лина сделала скриншот.

Через сорок минут на электронную почту пришло уведомление.

Отправитель был неизвестен.

В теме:

Заявление о неисполнении мирового соглашения.

К письму прилагались:
видео с наружной камеры;
запись возле подъезда;
скриншоты сообщений;
копия судебного определения.
Медицинского заключения не было.

Лина открыла текст.

Алексей сообщал, что прибыл в установленное время, однако мать:

**не открыла дверь;
не предоставила ребёнка;
отказалась предъявить оригиналы документов;
единолично отменила встречу;
воспрепятствовала общению отца с дочерью.**

О болезни упоминалось одной строкой:

Ответчик сослалась на якобы имеющееся заболевание ребёнка.

Якобы.

При наличии справки.

Диагноза.

Лекарств.

Вызова врача.

Температуры.

Лина прочитала слово несколько раз.

Потом открыла папку.

Добавила туда заявление.

Рядом положила медицинское заключение.

Два документа описывали один день.

В одном Юля была больным ребёнком.

В другом — причиной неисполнения.

Вечером наружная камера приснилась Павлу.

Он пришёл на кухню после полуночи.

Лина ещё не спала.

— Можно воды?

Она налила.

Он выпил половину.

— Мне приснилось, что камера приехала без Алексея.

— Как?

— Машина пустая. Подъехала. Дверь открылась. Камера смотрит на подъезд.

— И что потом?

— Ничего.

— Страшно было?

— Да.

— Почему?

Павел поставил стакан.

— Потому что ей человек уже не нужен.

Лина обняла его.

— Это просто сон.

— Твои тоже были просто снами.

Она не стала спорить.

— Иди ложись.

— А камера может работать, если он не в машине?

— Некоторые могут.

— Значит, она сама увидит, вышли мы или нет?

— Возможно.

— Дом остался там, а глаза всё равно ездят за нами.

Лина посмотрела на ноутбук.

На папку.

На видео.

— Теперь эти глаза смотрят не всё время.

— А когда?

— Когда ему нужно что-то зафиксировать.

— Это лучше?

Лина задумалась.

Раньше камера наблюдала за жизнью.

Теперь выбирала моменты, из которых можно построить обвинение.

— Не знаю, — ответила она.

Павел ушёл.

Лина открыла видео ещё раз.

На записи Алексей выходил из машины.

Шёл к двери.

Возвращался один.

Красная точка наружной камеры не различала правоту.

Не знала, что ребёнок болен.

Не понимала мирового соглашения.

Она только сохраняла свет.

Движение.

Время.

Смысл добавлял тот, кто выбирал фрагмент.

Лина посмотрела на временную шкалу.

Запись начиналась в девять пятьдесят две.

Заканчивалась в десять семнадцать.

Двадцать пять минут.

Алексей назвал их попыткой увидеть дочь.

Для Юли эти же двадцать пять минут были частью болезни, проведённой дома рядом с матерью.

Для будущего пристава они могли стать доказательством непередачи.

Для суда — одним из материалов дела.

Один отрезок времени.

Четыре значения.

Камера сохранила только первое, которое ей дадут.

Лина скопировала файл.

Создала отдельную папку:

ПОЛНЫЕ ЗАПИСИ.

Не нарезки.

Не отдельные кадры.

Не выбранные минуты.

Полные записи.

Потом открыла новый документ.

Вверху написала:

Хронология болезни и несостоявшейся встречи.

Первая строка:

04:17 — температура 38,2, боль в правом ухе.

Вторая:

04:23 — сообщение отцу.

Третья:

06:12 — действие жаропонижающего, снижение

температуры.

Четвёртая:

08:47 — приход врача.

Пятая:

09:08 — диагноз и назначение домашнего режима.

Шестая:

09:12 — заключение направлено отцу.

Седьмая:

09:23 — отец сообщил, что всё равно приедет.

Восьмая:

09:52 — автомобиль въехал во двор.

Девятая:

10:17 — автомобиль покинул двор.

Десятая:

Встреча предложена к переносу после выздоровления.

Она перечитала.

Теперь история начиналась не с приезда машины.

С боли Юли.

Красная линия камеры больше не была первой.

Перед ней появились температура.

Врач.

Диагноз.

Уведомление.

И только потом — закрытая дверь.

Лина сохранила документ.

День отца не исчез.

Но снова стал тем, чем должен был быть:

одним днём в жизни ребёнка.

Не днём, которому принадлежал ребёнок.

Глава 2. Покажите градусник

Утром Алексей потребовал новую фотографию.

Не спросил, как Юля спала.

Не уточнил, болит ли у неё ухо.

Написал:

Покажи градусник.

Лина прочитала сообщение в семь двадцать.

Юля ещё спала.

Температуру измеряли в шесть.

Тридцать семь и семь.

Снимок Лина сделала, но не отправила.

После вчерашнего ей хотелось сначала подумать, где заканчивается медицинская информация и начинается проверка.

В соглашении было указано, что родители обязаны сообщать друг другу существенные сведения о здоровье ребёнка.

Лина сообщила:

диагноз;

температуру;

назначенное лечение;

домашний режим;

дату контрольного осмотра.

Передала фотографию медицинского заключения.

Этого должно было быть достаточно.

Телефон снова завибрировал.

Почему молчишь?

Следом:

Температуру измеряла?

Лина ответила:

В 6:00 было 37,7. Юля спит.

Алексей написал:

Фото.

Она смотрела на одно слово.

Без вопроса.

Без «пожалуйста».

Без объяснения.

Требование предмета.

Как раньше:

Телефон.

Рюкзак.

Деньги.

Теперь:

Фото.

Лина отправила снимок градусника.

Ответ пришёл через минуту:

Когда сделано?

В 6:02.

На фотографии времени нет.

Она открыла свойства файла.

Дата сохранялась в сведениях о снимке.

Сделала скриншот.

Отправила.

Алексей долго не отвечал.

Потом написал:

Откуда мне знать, что это температура Юли?

Лина почувствовала не удивление.

Усталость.

Именно этого она ждала.

Фотография доказывала цифры.

Не человека.

— Мам, — позвал Павел из кухни. — Молоко закончилось.

— Сейчас.

Она убрала телефон.

Налила ему чай.

Достала хлеб.

Павел посмотрел на экран, который снова загорелся.

— Он?

— Да.

— Что теперь?

— Хочет доказательство температуры.

— Ты отправила.

— Говорит, неизвестно, чья она.

Павел перестал намазывать масло.

— А чья ещё?

— Не знаю.

— Твоя?

— Может так думать.

— Или моя?

— Возможно.

— Тогданими, как меряешь.

— Он этого и добивается.

— А что плохого?

Лина посмотрела на сына.

Ничего.

Если смотреть только на одно действие.

Включить камеру.

Поднести градусник к ребёнку.

Показать цифры.

Несколько минут.

Обычная просьба обеспокоенного отца.

Плохим становилось не действие.

Условие, которое за ним возникало:

пока мать не докажет болезнь способом, выбранным отцом, болезнь можно считать выдуманной.

— Само видео не плохое, — сказала Лина.

— Тогда почему не снимешь?

— Потому что следом он спросит, правильно ли я измерила. Потом потребует другой градусник. Потом врача в кадре.

— А если всё показать?

— Появится следующий вопрос.

Павел вспомнил.

— Последнее требование.

— Да.

Он положил нож.

— Не снимай Юлю, пока она спит.

— Не буду.

— А если проснётся?

— Спрошу, хочет ли она.

— Она маленькая.

— Поэтому я должна решить за неё так, чтобы не унижать.

— Он скажет, что ты скрываешь.

— Скажет.

Телефон снова завибрировал.

Сними видео измерения.

Павел увидел сообщение.

— Я же говорил.

Юля проснулась около восьми.

Сразу потянулась к уху.

— Болит?

— Немного.

— Будем мерить температуру.

— Не хочу.

— Быстро.

— Нет.

Она отвернулась.

Лина не настаивала.

Подождала, пока дочь выпьет воду.

Потом принесла градусник снова.

— Нужно проверить.

— Мама рядом?

— Рядом.

Юля позволила измерить.

Тридцать семь и восемь.

Лина не включала камеру.

Записала время в блокнот.

Дала лекарство по назначению врача.

Алексей позвонил.

Она ответила без видео.

— Да.

— Я просил запись.

— Юля не хочет сниматься.

— Ей два года. Откуда она знает, хочет или нет?

— Отвернулась и сказала «не хочу».

— Потому что ты спросила так, чтобы она отказалась.

— Я вообще не спрашивала про камеру.

— Тогда откуда она знает, что её будут снимать?

— Не знает. Она не хочет измерять температуру.

— Значит, ты сама отказалась снять.

— Да.

— Почему?

— Потому что не обязана превращать лечение в доказа-

тельную процедуру для тебя.

— Значит, температуры нет.

Лина закрыла глаза.

— Ты только что получил цифры.

— С твоих слов.

— У тебя есть вчерашнее заключение.

— Сегодня новый день.

— Отит не исчезает за ночь.

— Температура может исчезнуть.

— Она не исчезла.

— Покажи.

— Я сообщила.

— Твоих слов недостаточно.

— Тогда обращайся в поликлинику.

— Обращусь.

Он произнёс это слишком быстро.

Будто уже решил.

— Хорошо.

— Ты разрешаешь?

— Тебе не нужно моё разрешение, чтобы получать сведения о здоровье дочери установленным порядком.

— Не начинай говорить как адвокат.

— Я говорю точно.

— Ты говоришь чужими фразами.

— Потому что мои ты используешь против меня.

Пауза.

— Сегодня дашь видеосвязь? — спросил Алексей.

— Если Юля будет чувствовать себя нормально.

— В соглашении звонок по графику.

— С учётом состояния ребёнка.

— У неё температура ниже тридцати восьми.

— И больное ухо.

— Ухо не мешает смотреть в телефон.

— Может мешать всё.

— Что «всё»?

— Боль. Усталость. Раздражение.

— Ты даже не попробовала.

— До времени звонка ещё десять часов.

— Я заранее спрашиваю.

— Зачем?

— Чтобы ты не придумала вечером новую причину.

Лина посмотрела на Юлю.

Девочка сидела на ковре и держала куклу боком, прижимая игрушечную голову к своему плечу.

Качала.

— Спи. Ушко пройдёт.

Повторяла те же слова, которые ночью слышала от матери.

— Я отвечу вечером, — сказала Лина.

— Нет. Подтверди сейчас.

— Не могу заранее знать её состояние.

— Тогда напиши, что отказываешься.

— Я не отказываюсь.

— Значит, подтверждай.

— Алексей, ребёнок не обязан заболеть по расписанию так, чтобы тебе было удобно заранее определить звонок.

— Опять красивые формулировки.

— До вечера.

Она отключилась.

К десяти температура поднялась до тридцати восьми.

Юля стала вялой.

Отказалась от каши.

Легла на диван.

Лина записала время.

Не фотографировала.

Потом всё-таки взяла телефон.

Открыла камеру.

В кадре оказались:

градусник;

лицо Юли;

часы на стене.

Она могла снять всё одним видео.

Начало измерения.

Ожидание.

Сигнал.

Результат.

Никаких сомнений, кому принадлежит температура.

Лина держала телефон несколько секунд.

Потом выключила камеру.

— Почему не снимаешь? — спросил Павел.

Он сидел за столом с учебником.

— Не хочу превращать каждый медицинский шаг в отчёт.

— Но для папки надо.

— Для папки достаточно записи времени и медицинских документов.

— А если пристав не поверит?

— Тогда, может быть, видео понадобится.

— Значит, надо снять.

Лина посмотрела на сына.

Он рассуждал правильно.

Практично.

И всё равно что-то внутри сопротивлялось.

Если она начнёт записывать каждое измерение, Алексей окажется в комнате даже без камеры.

Будет присутствовать в том, как Юля болеет.

В каждом градуснике.

Каждой ложке лекарства.

Каждом плаче.

— Я могу снять для себя, — сказала Лина. — Но не обязана сразу отправлять.

— Это считается?

— Что?

— Что ты не врёшь.

Она подошла к нему.

Положила ладонь на плечо.

— Мне не нужно снимать видео, чтобы не врать.

— Я знаю.

— Тогда почему спрашиваешь?

— Потому что теперь всегда надо, чтобы ещё кто-то знал.

Лина убрала руку.

Вот что изменилось.

Раньше реальность существовала, потому что они её проживали.

Теперь каждого события было недостаточно, пока оно не оставило след, понятный постороннему человеку.

Она снова включила камеру.

Сняла измерение.

Не для Алексея.

Для папки.

В полдень пришло сообщение из поликлиники.

Запрос законного представителя зарегистрирован.

Лина прочитала дважды.

Она не подавала запрос.

Позвонила в регистратуру.

— Добрый день. Мне пришло уведомление о запросе по медицинской карте дочери.

— Фамилия ребёнка?

Лина назвала.

Оператор что-то проверила.

— Да. Второй законный представитель запросил сведения о вчерашнем вызове врача и диагнозе.

— Какие сведения ему предоставят?

— В пределах установленного порядка — выписку или возможность ознакомиться с медицинской документацией.

— Он записался на приём?

— Не вижу.

— Может прийти сегодня?

— С паспортом и документом, подтверждающим родство.

— А мне сообщат?

— О чём?

— Что он знакомился с картой.

— Отдельное уведомление обычно не направляется.

— То есть он может прийти, получить сведения, а я не узнаю?

— Законный представитель имеет право.

— Я не запрещаю. Хочу понимать процедуру.

— Уточните в администрации.

— Запрос касается только вчерашнего вызова?

— В системе указано обращение за сведениями о состоянии здоровья ребёнка.

Фраза была шире.

Не диагноз.

Не конкретный день.

Состояние здоровья.

— Спасибо.

Лина отключилась.

Через несколько минут Алексей написал:

Я всё проверю сам.

Она не ответила.

После обеда позвонила врач.

— Лина?

— Да.

— Отец ребёнка пытался со мной связаться.

— Уже?

— Звонил через регистратуру. Спрашивал, насколько тяжёлое состояние и запрещала ли я встречи.

— Что вы ответили?

— То же, что вам. Отит, лечение, домашний режим.

— Он спросил, можно ли увезти ребёнка?

— Спросил, может ли другой родитель обеспечить лечение по своему месту жительства.

— И?

— Я сказала, что медицински лекарство может дать любой взрослый, который соблюдает назначения. Но ребёнку сейчас лучше не менять обстановку без необходимости.

Лина почувствовала, как первая часть ответа уже отделяется от второй.

Лекарство может дать любой взрослый.

Именно эту фразу Алексей запомнит.

— Он записывал разговор?

— Не знаю.

— Скорее всего.

— Вы в конфликте?

— Да.

— Я врач, а не свидетель.

— Я понимаю.

— Не втягивайте меня, пожалуйста.

— Я не просила его вам звонить.

— Но звонит он, а объясняться приходится мне.

Фраза ударила неожиданно.

Лина молчала.

— Простите, — сказала врач мягче. — Просто у меня пациенты. Я не могу отдельно давать одинаковые разъяснения каждому родителю по несколько раз.

— Что мне делать?

— Обменивайтесь информацией между собой.

— Я отправила ему заключение.

— Тогда больше мне нечего добавить.

— Скажите только: домашний режим продолжается?

— Да.

— И поездка на несколько часов не рекомендована?

— Без необходимости — нет.

— Можно получить это письменно?

Врач вздохнула.

— На контрольном приёме посмотрим состояние и дадим заключение.

— Спасибо.

— Если температура повысится — звоните.

Разговор закончился.

Лина долго смотрела на телефон.

Алексей добился первого результата.

Не отменил диагноз.

Не доказал, что Юлия здорова.

Но заставил врача воспринимать медицинский вопрос как семейный конфликт.

Теперь при следующем обращении Лина будет не просто матерью больного ребёнка.

Стороной спора.

Алексей позвонил через десять минут.

— Я поговорил с врачом.

— Она уже сообщила.

— Значит, знает, что я участвую.

— Что ты хотел выяснить?

— Она сказала, что я могу лечить ребёнка.

— Она сказала, что лекарство может дать взрослый, соблюдающий назначения.

— То же самое.

— Нет.

— Опять слова.

— И ещё сказала, что поездка без необходимости не рекомендована.

— У меня не поездка. У меня общение с отцом.

— До твоего дома нужно ехать.

— Двадцать минут.

— У неё болит ухо.

— В машине тепло.

— Речь не только о холоде.

— А о чём?

— О смене обстановки, боли, усталости.

— Это твоё мнение.

— И рекомендация врача.

— В карте этого нет.

— Есть домашний режим.

— Мой дом тоже подходит.

— Юлия живёт здесь.

— Потому что ты решила.

— Потому что это её место жительства по соглашению.

Он замолчал.

Документ, которым Алексей обычно открывал двери, впервые оказался стеной.

— Место жительства не означает, что она не может находиться у меня, — сказал он.

— Когда здорова — по графику.

— Значит, ты признаёшь, что болезнь используешь для отмены.

— Я признаю, что больной ребёнок остаётся дома.

— Я запросил карту.

— Знаю.

— Если окажется, что температуры нет, встречу компенсируешь полностью.

— Диагноз уже подтверждён.

— Температура — с твоих слов.

— У меня есть видео измерения.

Лина сказала это раньше, чем успела решить.

Алексей сразу изменил тон.

— Тогда пришли.

— Нет.

— Почему?

— Потому что запись сохранена для подтверждения состояния, если это понадобится официально.

— А отец недостаточно официальный?

— Ты уже получил всю существенную информацию.

— Значит, видео не существует.

— Существует.

— Тогда покажи.

— Нет.

— Лина, ты сама понимаешь, как это выглядит?

— Да.

— Как?

— Как бесконечная проверка.

— Как ложь.

— Ты назовёшь ложью всё, к чему у тебя нет прямого доступа.

— Потому что доверять тебе нельзя.

— Тогда ни одно количество фотографий не поможет.

— Поможет факт.

— Факт — диагноз врача.

— Это заключение со слов матери.

Лина остановилась.

— Врач осмотрела ухо отоскопом.

— Я не присутствовал.

— Ты считаешь, что врач тоже врёт?

— Я считаю, что ты могла преувеличить симптомы.

— Отит невозможно поставить только по моим словам.

— Проверю карту.

— Проверяй.

Она отключилась.

К вечеру Юлия отказалась от видеозвонка.

Когда Лина сказала, что позвонит папа, девочка спрятала лицо в подушку.

— Не хочу.

— Можно две минуты.

— Нет.

— Папа хочет узнать, как ты.

— Не хочу папу.

Лина не стала уговаривать.

Написала Алексею:

Юля чувствует себя плохо и отказывается от видеосвязи. Могу направить короткое сообщение о состоянии. Звонок перенесём.

Он ответил:

Включи, я сам посмотрю.

Она сказала, что не хочет.

Ты обязана обеспечить связь.

С учётом состояния ребёнка.

Состояние не мешает ей смотреть мультфильмы?

Лина оглянулась.

Телевизор был выключен.

— Откуда он взял мультфильмы? — спросил Павел.

— Не знаю.

— Она сегодня вообще не смотрела.

— Знаю.

— Напиши.

Лина ответила:

Телевизор сегодня не включали. Юля лежит и спит.

Алексей:

Тогда тем более можешь поставить телефон рядом.

Лина не ответила.

В девятнадцать часов он позвонил.

Потом ещё раз.

И ещё.

На четвёртый звонок она включила видео, направив камеру на себя.

— Где Юля?

— Спит.

— Покажи.

— Нет.

— Почему?

— Не хочу снимать больного спящего ребёнка.

— Просто поверни телефон.

— Нет.

— Значит, она не спит.

— Разговор записывается.

— Записывай. Покажи дочь.

— Я сообщила её состояние.

— Мои десять минут начались.

— Нет. Связь с Юлей сегодня перенесена.

— Ты ответила по видео.

— Чтобы сообщить это лично.

— Я вижу тебя, а не ребёнка.

— Потому что она спит.

— Покажи.

Слово повторялось.

Покажи.

Градусник.

Ребёнка.

Справку.

Комнату.

Сон.

Боль.

Каждая просьба выглядела маленькой.

Вместе они требовали открыть квартиру через экран.

— Звонок закончен, — сказала Лина.

— Фиксирую отказ от видеосвязи.

— Фиксируй состояние ребёнка.

— Его ты не показываешь.

Она отключилась.

Через несколько минут пришло голосовое сообщение.

Лина включила запись.

Голос Алексея звучал спокойно.

— Сегодня в установленное мировым соглашением время мать ребёнка ответила на видеозвонок, но отказалась показать несовершеннолетнюю. На мои просьбы подтвердить её состояние не реагировала. Полагаю, что сведения о болезни используются как предлог для ограничения общения.

Не сообщение ей.

Готовое объяснение для третьего лица.

Возможно, для пристава.

Возможно, для суда.

Возможно, для папки, которую он собирал параллельно.
Павел слушал из дверей.

— Он даже с тобой говорит, как с камерой.

— В каком смысле?

— Не тебе объясняет. Кому-то потом.

Лина сохранила аудио.

Создала запись:

Видеосвязь не состоялась в связи со сном и плохим самочувствием Юли. Отец уведомлён заранее. Предложен перенос.

Приложила переписку.

Время звонков.

Медицинское заключение.

Папка росла.

Каждый новый файл возникал не потому, что Юле требовалось больше лечения.

Потому что Алексей требовал больше доказательств.

Ночью температура снова поднялась.

Лина измерила.

Тридцать восемь и три.

На этот раз видео не снимала.

Только записала время.

Дала лекарство.

Юля выпила несколько глотков воды.

— Мама, не снимай.

Лина замерла.

— Я не снимаю.

— Папа смотрит?

— Нет.

— Камера?

— Камеры нет.

Девочка посмотрела на телефон.

— Убери.

Лина положила его в ящик.

Закрыла.

— Всё.

Юля расслабилась.

Прижалась к ней.

Лина сидела в темноте и слушала дыхание дочери.

Телефон оставался в ящике.

Но присутствие Алексея не исчезло.

Оно поселилось в самом действии измерения температуры.

В вопросе:

нужно ли снимать;

нужно ли отправлять;

достаточно ли цифры;

поверят ли;

кому принадлежит градусник;

кто подтвердит время.

Проверка уже не требовала камеры в комнате.

Лина сама начинала смотреть на каждое действие глазами будущего пристава.

Это было опаснее.

На третий день пришёл ответ из поликлиники.

Запрос Алексея удовлетворили.

Ему предоставлялась возможность ознакомиться с медицинской документацией Юли.

Дата посещения была назначена на утро следующего дня.

Лина прочитала уведомление.

Вера Михайловна, которой она переслала документ, ответила:

Он имеет право получать информацию как законный представитель. Не препятствуйте. Сохраните переписку и медицинские документы.

Лина написала:

Он пойдёт проверять диагноз.

Ответ:

Пусть. Если диагноз подтверждён, проверка его не отменит.

Логично.

Просто.

Но Лина знала: Алексей шёл не отменять отит.

Он шёл искать формулировку, которой можно отменить

последствия отита для своего графика.

Не болен ли ребёнок.

А достаточно ли болен, чтобы отец потерял часы.

Телефон снова завибрировал.

Завтра буду в поликлинике. Советую заранее предупредить врача, чтобы ничего не скрывали.

Лина перечитала.

Предупредить врача.

Будто врач участвовала в её версии.

Будто медицинская карта могла быть изменена до его прихода.

Будто сама возможность проверки доказывала существование обмана.

Она не ответила.

Подошла к окну.

Во дворе стояли машины.

Автомобиля Алексея не было.

Наружная камера сейчас ничего не снимала.

Но завтра он войдёт в поликлинику.

Предъявит паспорт.

Попросит карту.

Задаст вопросы.

И медицинская история Юли станет ещё одним местом, куда он сможет приходить без Лины.

Проверять.

Толковать.

Выбирать нужные строки.

Лина открыла папку.

Положила рядом:

своё медицинское заключение;

уведомление о запросе отца;

переписку о градуснике;

отказ от видеозвонка;

его голосовое сообщение.

На обложке написала:

ПРОВЕРКА ДИАГНОЗА.

Юля спала в соседней комнате.

Болезнь продолжалась.

Но для Алексея она уже перестала быть медицинским событием.

Стала версией матери, которую нужно проверить.

Утром он собирался войти в поликлинику как отец.

А выйти — как свидетель против неё.

Глава 3. Отец в поликлинике

Утром Юля проснулась без температуры.

Впервые за три дня попросила есть.

Съела половину банана.

Выпила чай.

Потом снова легла.

— Лучше? — спросила Лина.

— Ушко тихо.

— Совсем не болит?

Юля подумала.

— Немного.

Контрольный осмотр был назначен на одиннадцать двадцать.

Алексей должен был прийти в поликлинику раньше — знакомиться с медицинской картой.

По крайней мере, так было указано в уведомлении.

Лина специально не спрашивала точное время.

Не хотела подстраивать свой приём под его проверку.

И не хотела избегать его.

Она имела право привести дочь к врачу.

Он имел право запросить сведения.

Эти действия могли существовать отдельно.

Но возле входа в поликлинику стояла машина Алексея.

Лина увидела её сразу.

Передняя часть была направлена к крыльцу.

Красная точка наружной камеры горела.

— Он нас снимает, — сказал Павел.

Сегодня он пошёл с ними. Уроки начинались позже.

— Камера записывает вход.

— Зачем?

— Наверное, чтобы зафиксировать, что мы приехали.

— Но ты не говорила время.

— Он мог узнать в регистратуре.

Павел посмотрел на окна машины.

Алексей сидел за рулём.

Телефон держал перед собой.

Когда Лина подошла к крыльцу, он вышел.

Камера записала:

Лину;

Юлю на руках;

Павла;

медицинскую сумку;

вход в поликлинику.

Теперь у Алексея было доказательство, что ребёнка действительно привезли к врачу.

Он мог бы просто принять это.

Но достал телефон и включил запись.

— Доброе утро.

— Доброе, — ответила Лина.

— Почему не сообщила время приёма?

- Ты самостоятельно получил информацию.
- Мне сообщили только, что назначен контроль.
- Значит, узнал остальное.
- Я приехал заранее.
- Зачем снимаешь?
- Для себя.
- Что именно?
- Состояние ребёнка.

Юля отвернулась и положила голову Лине на плечо.

- Убери телефон.
- Я её отец.
- Она не хочет сниматься.
- Откуда ты знаешь?
- Она отвернулась.
- Может, от солнца.

Небо было серым.

Солнца не было.

- Алексей, выключи.
- Почему? Боишься, что будет видно здорового ребёнка?
- У неё отит.
- Она пришла на ногах.
- Я не говорила, что она не может ходить.
- Значит, могла приехать ко мне.
- Три дня назад у неё была температура и сильная боль.
- Сегодня нет.
- Сегодня контрольный осмотр.

— Вот и посмотрим, что скажет врач.

Он произнёс это как вызов.

Не болезни.

Лине.

— Паша, пойдём, — сказала она.

Алексей посмотрел на мальчика.

— А он зачем?

Павел напрягся.

— У него позже школа.

— Мог остаться дома.

— Это не твой вопрос.

— Конечно. Он всегда рядом, когда надо устроить мас-совку.

— Не говори о нём так.

— Я ничего плохого не сказал.

— Сказал.

Павел открыл дверь поликлиники.

Пропустил мать с Юлей.

Не посмотрел на Алексея.

Тот вошёл следом.

Наружная камера осталась во дворе.

Но телефон продолжал записывать.

В регистратуре Алексей предъявил паспорт.

— Я записан на ознакомление с медицинской документа-

цией дочери.

Сотрудница нашла заявку.

— Вам подготовят выписку.

— Мне нужна карта полностью.

— Амбулаторная карта является документом медицинской организации. Можно ознакомиться на месте либо получить заверенные копии в установленном порядке.

— Тогда ознакомлюсь.

— Подождите, пожалуйста.

Он повернулся к Лине.

— Видишь? Ничего сложного.

— Я не препятствовала.

— Но сама ничего не показывала.

— Я отправила заключение и назначения.

— Обрезанную фотографию.

— Потом отправила полную.

— После требования.

— Потому что первая не поместилась.

— Это ты так говоришь.

Сотрудница регистратуры подняла голову.

— Пожалуйста, не выясняйте отношения возле окна.

Лина почувствовала знакомый стыд.

Снова учреждение.

Снова люди.

Снова двое взрослых, которых со стороны можно было принять за равных участников обычного конфликта.

— Мы не выясняем, — сказал Алексей.

Лина промолчала.

Сотрудница передала ему заявление.

— Подпишите.

Он поставил подпись.

Быстро.

Не читая.

Лина вспомнила мировое соглашение.

Его уверенную руку.

Свою остановившуюся на шестой странице.

— Карта понадобится врачу на приёме, — сказала сотрудница. — Ознакомитесь после осмотра.

— Почему после?

— Ребёнок записан к педиатру.

— Я хочу присутствовать.

Лина повернулась.

— Мы это не согласовывали.

— Я отец.

— Это не ответ.

— Я имею право участвовать в вопросах здоровья.

Сотрудница снова подняла глаза.

— Оба законных представителя могут присутствовать, если это не мешает приёму и состоянию ребёнка.

— Вот, — сказал Алексей.

— Решает врач, — ответила Лина.

Он убрал телефон в карман.

Запись продолжалась.

Она видела красную полосу на экране перед тем, как он его перевернул.

В коридоре было людно.

Дети кашляли.

Младенец плакал у двери прививочного кабинета.

Мать у окна уговаривала мальчика надеть бахилы.

Обычная поликлиника.

Но для Лины каждый человек становился свидетелем.

Алексей сел напротив.

Положил руки на колени.

Юля устроилась рядом с матерью.

Павел стоял у стены.

— Сядь, — сказала Лина.

— Здесь нет места.

Алексей посмотрел на свободный стул рядом с собой.

— Пусть садится.

Павел остался стоять.

— Я не кусаюсь, — сказал Алексей.

Мальчик не ответил.

— Видишь, как ты его настроила? — произнёс Алексей.

— Он сам выбирает, где сидеть.

— Ребёнок не может сам сформировать такое отношение.

— Может помнить, как с ним разговаривали.

— Я его воспитывал.

— Он не просил.

— Вот поэтому он такой.

Павел посмотрел на мать.

В глазах был вопрос:

Можно уйти?

Лина кивнула в сторону окна.

— Подожди там.

Он отошёл.

— Удобно, — сказал Алексей. — Как только разговор не нравится, уходите.

— Он не участник нашего спора.

— Тогда зачем ты его притащила?

— Не говори о моём сыне как о вещи.

— Я сказал «притащила» не про вещь.

— Именно так и звучит.

Дверь кабинета открылась.

Медсестра назвала фамилию Юли.

Лина встала.

Алексей тоже.

— Вы оба? — спросила медсестра.

— Мы родители, — сказал он.

Она посмотрела на Юлю.

— Заходите. Только без скандалов.

Фраза была произнесена до того, как они вошли.

Их уже запомнили.

Педиатр была та же.

Увидев Алексея, она устало вздохнула.

Совсем немного.

Но Лина заметила.

— Добрый день.

— Добрый, — ответил Алексей. — Я отец Юлии.

— Я помню.

— Хотел уточнить диагноз.

— Сначала осмотрим ребёнка.

Юлю посадили на кушетку.

Врач проверила температуру.

Тридцать семь и два.

Послушала дыхание.

Осмотрела горло.

Потом ухо.

Юля дёрнулась.

— Ещё болит?

— Да.

— Воспаление сохраняется, но динамика положительная.

Врач записала что-то в карте.

— Лечение продолжать. Домашний режим ещё минимум два дня. Потом по состоянию.

Алексей наклонился.

— Что значит домашний режим?

Врач подняла глаза.

— Находиться дома. Отдыхать. Не посещать детские коллективы.

— А общение с отцом?

— Я уже отвечала по телефону.

— Хочу, чтобы это было понятно обоим родителям.

— С медицинской точки зрения ребёнку не рекомендуется лишняя нагрузка и смена обстановки.

— Но прямого запрета поехать ко мне нет?

Врач положила ручку.

— Я не выдаю запреты на общение с родственниками.

— Значит, можно?

— Я сказала другое.

— Что именно?

— Ребёнок болен. Ему рекомендован домашний щадящий режим.

— Мой дом тоже является домашними условиями.

— Для ребёнка дом — привычное место проживания.

— Она жила и у меня.

— Я не знаю вашей семейной истории.

— Тогда почему считаете, что только у матери привычное место?

Врач посмотрела на Лину.

Потом снова на Алексея.

— Потому что со слов обоих родителей ребёнок сейчас постоянно проживает с матерью.

— Это установлено соглашением, — сказала Лина.

— Я знаю, — ответил он. — Но моё место жительства указано как место общения.

— Когда ребёнок здоров, — сказала Лина.

— Не перебивай.

Врач подняла ладонь.

— Остановитесь оба.

Лина замолчала.

Хотя говорила тише.

Хотя не задавала врачу один и тот же вопрос разными словами.

Для поликлиники они снова стали «оба».

— Я фиксирую диагноз и рекомендации, — продолжила врач. — Решение о семейном порядке общения принимаете не в моём кабинете.

— Мне нужна запись, что медицинских противопоказаний к общению с отцом нет, — сказал Алексей.

— Я такую запись делать не буду.

— Почему?

— Потому что это не медицинская формулировка.

— Тогда напишите, что состояние удовлетворительное.

— Состояние средней тяжести не было. Сейчас общее состояние относительно удовлетворительное, но воспаление сохраняется.

— Значит, может выходить на улицу?

— Кратковременно — при нормальной температуре и хо-

рошей погоде.

— Может находиться в машине?

— Физически может.

— Может поехать в другой дом?

Врач посмотрела на него.

— Зачем вам ответ именно на этот вопрос?

— Потому что мать сорвала мою встречу.

— Я лечу ребёнка. Ваши встречи я не учитываю.

— Но вы дали ей справку, которой она прикрывается.

В кабинете стало тихо.

Медсестра перестала печатать.

Лина почувствовала, как Юля прижалась к её руке.

Педиатр медленно закрыла карту.

— Я выдала медицинское заключение о заболевании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.